

магнитогорск ЛИТЕРАТУРНЫЙ

Поэтическая десятилетка

У литобъединения МаГУ – первый юбилей

Психологи утверждают, что девочки от одиннадцати до семнадцати лет начинают рифмовать в личных дневниках: строчат стишки о принцах на белых конях, а мальчики, дабы нравиться девочкам, тоже пишут строчки, полные пылких признаний. Впрочем, большинство ребят скоро с писательством завязывают. Но остаются те, кому дано видеть и чувствовать этот мир до болезненности ярко. Неудивительно, что ребята, с малых лет причастные к творчеству, поступают, в основном, на филологический факультет. И многие реализуются в слове благодаря литобъединению МаГУ.

Не помогать молодым авторам – не будет у России будущего поэзии и прозы, не будет духовной пищи, без которой человек никогда не станет человеком с большой буквы

ное объединение пришли Дарья Савельева, Анастасия Эйвазова, Алена Тупалова, которая сегодня, как и Карпичева, является аспиранткой и пишет диссертацию, и Антон Лавренов, и сын Юрия Федоровича Рустам Ильясов, принесший кроме поэзии немало славы своему университету в команде КВН, Ольга Подлужская, Татьяна Шеметова... Список этот крайне велик. Все эти талантливые ребята, чьи стихи и проза буквально хлынули в центральные газеты города – в «Магнитогорский металл» и «Магнитогорский рабочий» – печатались в таких журналах, как «Берег А», выпускаемом региональным Союзом российских писателей, в журналах МаГУ: «Гармония таинственной власти», «Пятый этаж» и других. Они нашли себя в слове раз и навсегда.

Хорошо говорит Валентин Романов: «Я таланту все прощаю!» И действительно он многое прощает, и слова его не расходятся с делом – реальная помощь молодым талантам была, есть и, надеюсь, будет. Недавно Романов вручил билет члена Союза российских писателей Наталье Карпичевой, которая в 23 года принята в союз, будучи студенткой пятого курса филфака. Вручение произошло 29 сентября, местные тележурналисты сообщили, что ректор МаГУ вручил

писательский билет своей студентке. Это он сделал в ипостаси академика академии литературы России – Валентин Федорович имеет и эту высокую «реалию». Романов, пожалуй, лучше других знает, что писателям и поэтам крайне сложно устроиться в мире. Перо не приносит денег, которых хватало бы сводить концы с концами. К тому же, творческие люди живут в несколько другой реальности. Не помогать молодым авторам – не будет у России будущего поэзии и прозы, не будет духовной пищи, без которой человек никогда не станет человеком с большой буквы. Ректор отлично осознает это, наверное, потому МаГУ, решая литературные вопросы, сотрудничает с ММК, и с подростковым домом «ЭГО», и с ведущими газетами Магнитогорска...

Благодаря активной помощи ОАО «ММК» вышел первый сборник стихов Натальи Карпичевой. В выпуске ее второго сборника решающую роль сыграл университет. Впрочем, не зря Романов на первом же собрании сказал первокурсникам: «Вы теперь наши дети!» Он доказал это реальной поддержкой молодых талантов. Хорошо как-то сказал поэт Николай Яшкин: «Литература в Магнитке есть, ее не может не быть, и я верю в ее светлое будущее». А светлое будущее – молодые, которые из стен МаГУ выходят поэтами и писателями...

Елена ХОЛОДОВА, студентка отделения журналистики МаГУ.

Ректор МаГУ Валентин Романов вручает билет члена Союза российских писателей Наталье Карпичевой.

Букашка

РАССКАЗ

Сергей Михайлович пришел с работы. Плотно покушал и устроился у себя в кабинете. Настроение у него было отличное. Надо сказать, иногда он писал статьи или рассказы. И это ему удавалось.

В местных газетах нет-нет да иногда мелькала его фамилия. Вот и сейчас на него «накатило». Тема уже давно мелькала в его голове. Сергей Михайлович только не мог до сих пор выстроить четкий сюжет и, самое главное, придумать интересный финал. Сегодня же весь каркас истории был разложен им по полочкам. Осталось только нарастить на этот «скелет» слова и предложения. И вот, когда работа пошла и монитор компьютера начал заполняться свежим и часто меняющимся текстом, из соседней комнаты послышался шум. Это были его дочери-близняшки. Они недавно пришли из школы и теперь, сделав уроки, нашли себе какое-то шумное занятие, что для их возраста было вполне естественно – дети едва начали учиться в первом классе. Но эти крики здорово мешали работе, и главе семейства пришлось выйти в зал, где весь этот сыр-бор и происходил.

Дети гонялись за какой-то летающей тварью. Оказывается, в комнату ворвалось некое насекомое – то ли жук, то ли сверчок, – и теперь это создание ужасно жужжало, мотаясь по комнате, когда девочки пытались его поймать. Иногда булашка пряталась в какой-нибудь щели, и тогда шум ее крылышек замолкал. Но через некоторое время впавшие в охотничий азарт сестры опять выгоняли непрошеного гостя из очередного укрытия – и погоня начиналась снова. Дети были вооружены свернутыми газетками и махали ими во всю мощь, когда этот сверчок мотался между ними. Наконец он был сбит и придавлен.

– Папа, папа! – кричали малышки, прыгая вокруг убитого насекомого. – Мы его убили! Мы его поймали!

– Эх, вы, – начал шутя журить дочерей папа, уже сам увлеченный необычной картиной погони, которая только что развернулась перед ним. – Зачем мошку-то кокнули! Она, может, по делу залетела. Может, она себе домик хотела найти. Да что, себе! Вполне возможно, что это – отец семейства. И у него, небось, и детки, и жена есть. Зима ведь скоро. Вот он и решил место потеплее подобрать. А вы его так встретили...

Начал, вроде, шутя, а получилось всерьез. Катя и Надя (так звали близняшек) задумались. По их расстроенным лицам было видно, что сейчас им очень жаль и убитого ими жука, и скучающую где-то по нему супругу со всеми его отпрысками, а также бабушек, дедушек и еще бог знает каких родственников, кои теперь, наверное, рисовались в воображении девочек. Надя заплакала. А за ней потянулась ревуть и Катюша.

– Ну, хватит, хватит, – затормозил направить разговор в другое русло Сергей Михайлович. – Слезами горю не поможешь. Раз уж так вышло, давайте похороним погибшего достойно. И больше просто так, ради забавы, никого не трогайте.

– А ведь действительно, – про себя подумал он. – Вроде, булашка... а целые миры пропали, наверное, с ее смертью. Ведь это создание дышало, любило, иногда хотело пожить, видело своими глазами какую-то свою, насекомовскую, жизнь. И все это перечеркнуло одно точное попадание газетой.

Сергей Михайлович почувствовал себя сразу тоже булашкой – и его в любую минуту кто-то самый главный и большой в этом мире – будь то Бог, природа или жизнь – может так же прихлопнуть. Просто так, от скуки! И все его поиски места потеплее будут прекращены в один момент. Мечты, рассказы, работа и прочая суета... Все уйдет в бездонную темень. Останется только небо. Единственная субстанция вечности, которая никогда не меняется и нигде не исчезает. Сергей Михайлович подошел к окну и посмотрел вверх. Равнодушное небо было и впрямь таким же, как и много лет назад – когда он ходил в садик, учился в школе, гоняя футбол во дворе или там же дрался с очередными своими соперниками.

Похоронили бедное насекомое в цветочном горшке. Девочки расковыряли там землю, и затолкали его туда. Какая-никакая, а почва... Маме потом ничего не сказали – она не любила, когда лезла к ее цветам. Но близняшкам все равно попало. За крестик, связанный нитками из двух спичек, который мама обнаружила в том же горшке. Вскоре все, конечно, забылось. Вот только Сергей Михайлович после того случая, если смотрел на небо, всегда почему-то чувствовал на душе необъяснимую тоску и тревогу.

Андрей КУДИНОВ.

Где ночуют облака?

ДЕТЯМ

Посещает литературное объединение «Магнит». Печатались в газете «Магнитогорский металл», литературном журнале «Каскад иллюзий» (Снежинск), автор коллективного поэтического сборника «Достойные полета». Стихотворения для детей – новый этап в творчестве поэтессы.

Ирина СЮТКИНА

Почемучка

Почему течет река?
Где ночуют облака?
Как на радугу попасть,
Чтоб оттуда не упасть?

Сколько солнечных лучей?
Почему не спит ручей?
Как запрыгнуть на луну,
Наступить на хвост слону?

Почему лиса хитра
И зарп встает с утра,
И корова плачет: «Му!»?
Объясняет: Я пойму!

Лучик

Сознана лучик
В душе отразился,
Между тучек
Он едва пробился.

Лучик неторопко
На прогулку вышел
И забился робко
Под железной крышей.

Подмигнул задорно,
Близкими глазами
И исчез проворно
Светлый призрачный дым.

Ручей

Пробирался сквозь релей,
Перепрыгивал пороги,
Юркий маленький ручей
Шелестел возле дороги.

Он спешил, росой звеня,
И жуужали вслед булашки,
Наклонились у ручья
Гроздь ароматной кашки.

В жаркий полдень остужал
Ключевой своей водицей,
А зимой холодной – спал.
Может, что-нибудь приснится?

Сторож

Верный сторож – нес Трезор –
Заступил в ночной дозор.
Звуки чутким ухом слышит:
За углом скребутся мыши,

Нежно ежики пицат,
Выводя гулять енотов.
Рыжая плутовка леза
Притаилась под навесом.

На насесте куры спят,
Пелухи во сне хранят.
А лиса стоит, чуть дышит:
Вдруг Трезор ее услышит?

Пес незадаче почуял:
Кто-то возле кур почует.
А рассвет еще не близко,
Спят Катюшка и Дениска.

Верный страж их охраняет,
Сильным, смелым стать
Мечтает:
«Вот пойду сейчас к сараю,
Может, вора там поймаю?»

Потихоньку он пробрался
И с лисой повстречался.
Лаем испугал злодейку,
Но нашла она лазейку

И пустилась наутек.
Курам было невдомек:
«Почему Трезор так лает
И мечтает во сне мешает?»

Загадки

От влажного носа
до маленьких ножек
Покрывается
тонкая кожа.

Зафыркает грозно
и громко чихнет.
В саду нашем зверь этот
страшный живет.

Свернулась клубочком
на мягком диване
и спит, шевеля чуть заметной
усами.

Созывает пушистых
детей неуклюжих
Громким криканьем мама
в огромнейшей дужке.

У тех, кто пишет ясно, есть читатели,
а у тех, кто пишет темно, – комментаторы.

Альбер КАМЮ

Песни, пробитые пулями

Это поэзия, рожденная в окопах в «зеленке», под гул «вертушек»

В школьном краеведческом музее имени Саши Серебрякова – мемориальная доска с именами всех военнослужащих, павших в горячих точках – Афганистане, Дагестане, Чечне. Под портретами погибших – живые цветы, магнитофон с десятками кассет, авторскими песнями военных-интернационалистов. Жаль, что многие фамилии неизвестны...

Вспоминаю магнитофонные записи, когда встречался с родителями погибших, слушаю песни-баллады, когда устаю или душа просит. Не замечаю неудачных рифм или стилистических погрешностей, ведь песни эти рождены сердцем. Для меня и моих ребятшек это поэзия, рожденная в окопах, в «зеленке», под гул «вертушек», правда «груза двести» и «груза триста»...

Ты помнишь, майор?

Ты помнишь, майор, как ходили в атаку,
Как рычал ДШКА над проклятой горой,
Как к «вертушке» несли мы нашего брата,
Как мечтали с тобой поскорее

вернуться домой?
Ты помнишь, майор, как сидели в засаде,
Как делили «сухпай» на 14 душ,
Как заклинило затвор у тебя в автомате,
Как глотали с трудом в горле еду кою суше?
А помнишь, майор, как нашу колонну
На Бониире накрыли трехквальной огнем,
Как тебя пацаны

из горячего танка тащили?

Ты их вспоминай почаще, товарищ майор...

Пацаны

Пацаны, пацаны, пацаны...
Еще детский пушок на губах,
Но уже знают запах войны,
И не детская твердость в глазах.
Пацаны, пацаны, пацаны...
В девятнадцать в руках автомат,
В девятнадцать ходили в бой
И держались – ни шагу назад.
Пацаны, пацаны, пацаны,
Высоко умирали в горах
И домой возвращались они
В оцинкованных мрачных гробах.
Пацаны, пацаны, пацаны,

Вы друг с другом прощались не раз,
Но купные слезинки свои
Оставили всегда про запас.
Пацаны, пацаны, пацаны,
Вам бы жить да любить, да мечтать,
Вам бы чуточку хоть тишины,
Вам бы письма девочкам писать.
Пацаны, пацаны, пацаны...

В девятнадцать в руках автомат.
Пацаны, пацаны, пацаны,
Возвращайтесь живыми назад.
Выстрел в спину

Если б знали, как нехватали
Я вазюх в медсанбате:
В злой атаке пуля-дура
Подкосила, сблиз с ног.
Лучше финкою по горлу,
Лучше очередь в упор мне,
Чем вот так, навзлет в спину.
Замочил меня дружок.
Между глаз поймал лужу,
Он сдал курок вслепую
В тот момент, когда в атаку
Из окопа прыгнул я.
Третьим я окоп покинул.
Он меня, как труса, в спину,
Только я не смог познубить,
Закусил зубами «бля...»
Он мне крикнул: «Я прикрою!»
Но лицо умылось кровью.
Я ручаюсь головою –
Он на вздохе был убит.
Был охотник он до драки,
Но упал лицом к атаке,
Он погиб, а тело в чинке
Еще будут хоронить.

Мы друг друга знали с детства,
Уважал его отец мой,
За него я хоть на плаху,
Хоть в дисбат на Казыму.
С ним мы жили не тужили,
Было время – морды были,
А которую любили,
Не досталась никому.
Слабенька лежал на койках,
Слабый пол над ними в стойке.
Я б в одну из них влюбился,
Если б было чем блеснуть.
Но награда мне не светит,
Потому что стал в ответе

В двух шагах от своей смерти
И за спину, и за грудь.

Жажда

Сказали мне: «Глаза кричать не могут,
Когда кричат, то слышно, мол, пойми»...
И я смолчал. Ну что же, ради Бога.
Напишем так: «Хотелось пить, но или».
А было так: приказ комбата краток:
«В ущелье банда, все, Сергей, держись!»
Мы скрывались за сугробами палаток
И поднимались в безоблачную высь.
Шли трое суток. Дал комбат прамашку:
Он думал, мы управимся за день.
Но кончилась вода – хоть выжми фляжку.
И банды нет, и вновь длиннее тень.
Я верю в глаза, которые кричат,
Молчаливый, яркий блеск глазниц.
Не верю в глаза, которые молчат,
Скрываясь за оврагами ресниц.
Четвертый день кричит Андрей мне в спину:
«Все, Сергее, прости, я, кажется, устал».
Вот тут раздался выстрел карабина,
И взводный мой, Андрюха мой, упал.
Был кратким бой, они нас одолели,
Мы отступили – трупы на руках.

Но в небе вертолеты прогудели,
И показались звезды на бортах.
Я буду долго помнить эти лица,
Мне не забыть теперь уж никогда,
Как, покидая красные глазницы,
Глаза кричали громко: «Вода!..»

Усталость

Сначала давали нам орена,
Потом перестали.
Сначала смотрела на нас вся страна,
Потом вспомнить резже стали.
Все стало обычным: подрывы, стрельба –
Такая работа...
Только сегодня, как и вчера,
Нам умирать неохота.
«Груз двести», «груз триста»,
И так каждый день,
Идут телеграммы,
И сохлели, состарились, стали, как тень,
Наши отцы и мамы.
Мы тоже устали в грязи и боях,
Хотим чистоты и покоя.
А нас отправляют отсюда в гробах
По двое, по трое...

Подготовил
Валерий ЕФИМОВ,
руководитель музея станции туристов.

